

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского»

Приложение 1 к рабочей программе

ФОНД ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ

для проведения промежуточной аттестации
по дисциплине

«Основы ораторского искусства»

направление подготовки

53.03.06 Музыказнание и музыкально-прикладное искусство

Разработчик:
доцент Гурьева С. А.

1. Перечень компетенций и планируемых результатов изучения дисциплины. Критерии оценивания результатов обучения и оценочные средства

Компетенция ФГОС ВО 3++	Индикаторы достижения компетенций	оценка					Оценочные средства
		1	2	3	4	5	
ПК-5. Способен быть ведущим концертных программ, комментировать исполняемые в концертах (лекциях- концертах) произведения музыкального искусства;	Знать: - основы лекторского мастерства; - основы гигиены голоса; Владеть: - правильным произношени ем, стилистикой русского языка и риторическим и приемами.	Отсут- ствие знаний , умени й и навык ов	Фрагмент арные знания, умения, навыки	Общи е, но не струк- турир ован- ные зна- ния, умени я и навык и	Сформир ованные, но содер- жащие отдель- ные про- белы зна- ния, умения и навыки	Сформир ованные система- тические знания, умения и навыки	Творчески й показ

2. Шкалы оценивания и критерии оценки

Творческий показ позволяет оценить следующие знания, умения, навыки и/или опыт практической деятельности:

Знать:

- основы лекторского мастерства;
- основы гигиены голоса;

Владеть:

- правильным произношением, стилистикой русского языка и риторическими приемами.

Критерии оценки творческого показа

Критерии	оценка			
	2 (неудовлетворит ельно)	3 (удовлетвори- тельно)	4 (хорошо)	5 (отлично)
Разборчивость и нормированность речи, степень исправления говоров, дефектов и диалектных особенностей, соблюдение	Неразборчивость и ненормированно сь речи, присутствует говор, дефекты и диалектные особенности, не	Разборчивость и нормированнос ь речи, отсутствие говора, дефектов и диалектных	Разборчивость и нормированность речи, отсутствие говора, дефектов и диалектных особенностей, соблюдение орфоэпических	Разборчивость и нормированность речи, отсутствие говора, дефектов и диалектных особенностей, соблюдение орфоэпических

орфоэпических норм русского языка, соблюдение смысловой и художественной функции дикции и орфоэпии.	соблюдение орфоэпических норм языка, а так же смысловой и художественной функции дикции и орфоэпии.	особенностей, но не соблюдение орфоэпических нормы языка и смысловых и художественных функций дикции и орфоэпии.	норм языка, но не соблюдение смысловых и художественных функций дикции и орфоэпии.	норм языка, соблюдение смысловых и художественных функций дикции и орфоэпии.
Степень развития головного и грудного резонирования, умение владеть дыхательной опорой, умение определить и закрепить центральное звучание голоса.	Минимальная степень развития головного и грудного резонирования, отсутствие умения владеть дыхательной опорой, отсутствие умения определить и закрепить центральное звучание голоса.	Средняя степень развития головного и грудного резонирования, владение дыхательной опорой, но отсутствие умения определить и закрепить центральное звучание голоса.	Хорошо развиты головной и грудной резонаторы, присутствует владение дыхательной опорой, присутствует умение определить центральное звучание голоса, но отсутствует навык закрепить его.	Хорошо развиты головной и грудной резонаторы, владение дыхательной опорой, присутствует умение и определить и закрепить центральное звучание голоса.
Знание и понимание элементов словесного действия (кинолента видения, ассоциативный ряд, иллюстрированные подтекст, предлагаемые обстоятельства, событие, понятие сквозного действия, сверхзадача).	Отсутствует знание и понимание всех элементов словесного действия.	Отсутствует знание и понимание всех элементов словесного действия, кроме предлагаемых обстоятельств, подтекста, события.	Усвоены, но не закреплены элементы словесного действия.	Усвоены и закреплены все элементы словесного действия.

3. Типовые контрольные задания

Эстафета скороговорок:

- 1.Наша река широка, как Ока,
Как Ока широка река.
- 2.Коала приобрела пуанты.
- 3.Влез кот на сало и кричит: «Мало!»
- 4.Акулы атакуют африканских антилоп.
- 5.У Аграфены и Арины растут георгины.

П-Б

- 6.От тополя пух по полю.
- 7.От топота копыт, пыль по полю летит.
- 8.В поле Поля-Полюшка полит поле-полюшко.
Сорняков не будет в поле, если полит поле Поля!
- 9.Повар Петр и повар Павел, Петр пек, а Павел – парил.
- 10.Пришел Прокоп, кипел укроп. Ушел Прокоп, кипел укроп.
Как при Прокопе кипел укроп, так и без Прокопа кипит укроп.
- 11.Кибитка битком набита.
- 12.По бревну бобры бредут.
- 13.Баран – буян залез в бурьян.
- 14.Брит Клим брат, брит Глеб брат, брат Игнат бородат.
- 15.Пара барабанов- (3 раза) била бурю.
Пара барабанов-(3 раза) била бой.

В - Ф

- 16.Любит плавать Ваня в белом море – в ванне.
- 17.Ворон рвал ремень во рву.
- 18.На дворе вдовы Варвары два вора дрова воровали.
- 19.Проворонила ворона вороненка.
- 20.Водовоз вез воду из-под водопровода.
- 21.Фараонов фаворит на сапфир сменял нефрит.
- 22.Финансист всегда с портфелем.
- 23.Утром плов, в обед морковь.
- 24.У Фили пили, Филлю же и побили.
- 25.Наш Филат не бывает виноват.

К-Г-Х

- 26.Гром гремел и грохотал.
- 27.Грач грациозно дегустировал грильяж.
- 28.На горе гуси гогочут, под горой огонь горит.
- 29.В грозу в грязи от груза развалился кузов.
- 30.Груша гусениц не любит, грушу гусеницы губят.
- 31.У ежа и ёлки иголки колки.
- 32.У Кондрата куртка коротковата.
- 33.Ткет ткач ткани на палатки Тане.
- 34.Около кола – колокола, около ворот – коловорот.
- 35.Идет козел с косой козой, идет коза с косым козлом.
- 36.Хвала халве, вкусна халва, халве хвала.
- 37.Хоттабыч хвалился своим парикмахером.
- 38.У хрюшки хвост крючком, а у хорька торчком.
- 39.Хмурый кот на хохот, смех быстро уши прятал в мех.
- 40.Пусть плачет, если хочет кто-то, а я не плачу, мне неохота.

Т-Д

- 41.Не долби, балда, по болту кувалдой.
- 42.По двору, подворью, в добром здоровье.

43. Ёжик вырос в десять раз, получился дикобраз.
44. Дед Додон в дуду дудел, Димку дед дудой задел.
45. Дятел лечит добрый дуб, добрый дятел дубу люб.
46. Тетя Тина надела тюлевое платье.
47. Толст тот, кто ест торт.
48. Тень-тень потетень, выше города плетень.
49. Сели звери под плетень, похвалялись целый день.
50. Тетерев сидел на дереве, от дерева тень тетерева.

М-Н-Л-Р

51. – Вы малину мыли ли? – Мыли, но не мылили.
52. Марина Мальвину кормила малиной.
53. Маленький мальчик менял марки на мячик.
54. Впрочем этот водоём мы втроем переплывем.
55. Мёд в лесу медведь нашёл. Мало мёда, много пчел.
56. Без муки нет науки.
57. Наш Наум себе на ум.
58. Буду есть мякину, а фасон не кину.
59. В рационе обезьяны ананасы и бананы.
60. Корнет на кларнете исполнил ноктюрн.
61. Шёл мимо, зашёл, где мило.
62. Нил поймал линей, один мал, два длинней.
63. Наш Федул бабу обул, да и Федула баба обула.
64. Маланья-болтунья молоко болтала-выбалтывала,
болтала-выбалтывала да не выболтала.
65. Рыла свинья белорыла, тупорыла, полдвора рылом изрыла, вырыла, подрыла.
66. Хорош пирожок – внутри творожок.
67. Коротко, ясно, поэтому и прекрасно.
68. С утра в реке у рыб урок, директор рак сердит и строг.
69. Мамаша Ромаше дала сыворотку из-под простокваши.
70. Либретто – «Риголетто», Либретто – «Риголетто», Либретто – «Риголетто».

С-З-Ц

71. Огорчается коза, что она не стрекоза.
72. Девчонка везла на возу козленка, козла и козу.
73. Зажглась зеленая звезда... Запустят звездолет туда.
74. Козел козе сказал: - Коза! Теперь я не козел – казак!
75. Зазвонил будильник звонко, разбудил засоню Зойку.
76. Оса на ноги боса и без пояса.
77. У киски в миске – рис и сосиски.
78. Я несу суп, суп, а кому – псу, псу!
79. Саша любит сушки, Сонечке – ватрушки.
80. У гусыни усов ищи – не ищи, не сыщешь.
81. Краса пригладится, а ум пригодится.
82. Очень часто бьются у Танечки блюда.
83. Цыпленок цапли цепко цеплялся за цепь.
84. Зацепила из криницы, красна девица водицы.
85. Любовалась цыплятами курица: Что ни цыпленок, то умница!

Ж-Ш-Щ-Ч

86. Жутко жуку жить на суку.
87. У ужа – ужата, у ежа – ежата.
89. Ежу на ужин мышонок нужен.

90. Жужжит жужжелица, жужжит кружится.
91. Рыжая лошадь ржала во ржи. Жри во ржи, да не ржи.
92. Шесть мышат в камышах шуршат.
93. Шапка да шубка – вот и весь Мишутка.
94. Накроши к окрошку картошки и горошку!
95. Крошка кошка на окошке кашку кушала по крошке.
96. 16 шли мышей и шесть нашли грошей, а мыши что поплоче шумливо шарят гроши.
97. Волки рыщут – пищу ищут.
98. Хороша теща, коли гущи не ест.
99. Щетинка у чушки, чешуя у щучки.
100. Растительная пища – такая вкуснотища.
101. Щеткой чищу я щенка, щекочу ему бока.
102. В Чите течет Читинка.
103. Грач сгоряча осерчал на грача.
104. Испеки-ка в печи из муки калачи.
105. Чукча в чуме с чашкой чая чукченят чужих встречает.
106. В четверг четвертого числа в четыре с четвертью часа четыре черненьких чумазеньких чертеночка чертили черными чернилами чертеж чрезвычайно чисто.

Тексты стихотворений

А.С. Пушкин

Туча.

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.
Ты небо недавно кругом облегла,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

В поле чистом серебрится...

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
Светит месяц, тройка мчится
По дороге столбовой.

Пой! в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.

Пой, ящик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.

Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальный вой.

Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горишь?»

Игорь Северянин **Русская.**

Кружевет, розовеет утром лес,
Паучок по паутинке вверх полез.
Бриллиантится веселая роса.
Что за воздух! что за свет! что за краса!
Хорошо гулять утрами по овсу,
Видеть птичку, лягушонка и осу,
Слушать сонного горлана-петуха,
Обменяться с дальним эхом: «ха-ха-ха!»
Ах, люблю бесцельно утром покричать,
Ах, люблю в березках девку повстречать,
Повстречать и, опираясь на плетень,
Гнать с лица ее предутреннюю тень,
Пробудить ее невыспавшийся сон,
Ей поведать, как в мечтах я вознесен,
Обхватить ее трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни как-нибудь!

Колыбель культуры новой

Вот подождите — Россия воспрянет,
Снова воспрянет и на ноги встанет.
Впредь ее Запад уже не обманет
Цивилизацией дутой своей...
Встанет Россия, да, встанет Россия,
Очи раскроет свои голубые,
Речи начнет говорить огневые, —
Мир преклонится тогда перед ней!
Встанет Россия — все споры рассудит...
Встанет Россия — народности сгрудит...
И уж у Запада больше не будет
Брать от негодной культуры росток.
А вдохновенно и религиозно,
Пламенно веря и мысля серьезно,
В недрах своих непреложностью грозный
Станет выращивать новый цветок...
Время настанет — Россия воспрянет,
Правда воспрянет, неправда отстанет,
Мир ей восторженно славу возгрянет, —
Родина Солнца — Восток!

Ф.И. Тютчев

Листья

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят —
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.
Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Все красное лето
Мы были в красе —
Играли с лучами,
Купались в росе!..
Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели —
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!
О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей,
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

Весна (Посвящается друзьям)

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухает нам!..
Творенью пир дает природа,
Свиданья пир дает сынам!..
Дух жизни, силы и свободы
Возносит, обвевает нас!..
И радость в душу пролилась,
Как отзыв торжества природы,
Как Бога животворный глас!..
Где вы, Гармонии сыны?..
Сюда!.. и смелыми перстами
Коснитесь дремлющей струны,
Нагретой яркими лучами
Любви, восторга и весны!..
Как в полном, пламенном расцвете,
При первом утра юном свете,

Блистают розы и горят;
Как зефир в радостном полете
Их разливают аромат:
Так, разливайся, жизни сладость,
Певцы!.. за вами по следам!..
Так порхай наша, други, младость
По светлым счастья цветам!..

Вам, вам сей бедный дар
Признательной любви,
Цветок простой, не благовонный;
Но вы, наставники мои,
Вы примете его с улыбкой благосклонной.
Так слабое дитя, любви своей в залог,
Приносит матери на лоно
В лугу им сорванный цветок.

А.В. Кольцов

Песнь утру

С зарею красною восходит
Солнце яркое с восток,
Из-за леса, гор выходит
И шумит живой поток.
Осветило дол росистый,
Озлатило зыби вод,
Потрясся и бор ветвистый.
Вдруг поднялся хоровод
Нежных пташек, пенье
И свирели пастухов.
Всю радость и веселье
Среди долины и лугов.
Всех пленяло, веселило
Милый взор среди природ!
О, как нежно, о, как мило
Утро встретить и восход!

Цветок

Природы милое творенье,
Цветок, долины украшенья,
На миг взлелеянный весной,
Безвестен ты в степи глухой!

Скажи: зачем ты так алеешь,
Росой заискрясь, пламенеешь
И дышишь чем-то, как живым,
Благоуханным и святым?

Ты для кого в степи широкой,
Ты для кого от сел далеко?
Не для крылатых ли друзей,
Поющих в воздухе степей?

Для них ли, в роскоши, семьями,
Румяной ягодой, цветами
И обаяньем для души,
Вы, травы, зреете в тиши?

О, пой, косарь! зови певичу,
Подругу, красную девицу,
Пока еще, шумя косой,
Не тронул ты травы степной!

А.С. Грибоедов

Прости, отечество!

Не наслажденье жизни цель,
Не утешенье наша жизнь.
О! не обманывайся, сердце,
О! призраки, не увлекайте!...
Нас цепь угрюмых должностей
Опутывает неразрывно.
Когда же в уголок проник
Свет счастья на единый миг,
Как неожиданно! как дивно! —

Мы молоды и верим в рай, —
И гонимся и вслед и вдаль
За слабо брежжущим виденьем.
Постой! и нет его! угасло! —
Обмануты, утомлены.
И что ж с тех пор? — Мы мудры стали,
Ногой отмерили пять стоп,
Соорудили темный гроб,
И в нем живых себя заклали.

Премудрость! вот урок ее:
Чужих законов несть ярмо,
Свободу схоронить в могилу,
И веру в собственную силу,
В отвагу, дружбу, честь, любовь!!! —
Займемся былью стародавней,
Как люди весело шли в бой,
Когда пленяло их собой
Что так обманчиво и славно!

В.Я. Брюсов

Детская

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тени свесило,
Расшумимся весело,
Бегать нам пора!
Раз, два, три, четыре, пять,
Бегом тени не догнать.
Слово скажешь, в траву ляжешь.
Черной цепи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между них вертись, вертись.
Что под нами, под цветами,
За железными столбами?
Кто на троне? кто в короне?
Ветер высью листья гонит
И уронит с высоты...
Я ли первый или ты?
Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тени свесило,
Постучи-ка весело
Посреди двора

Зимняя красота

Твердят серебряные сени
О счастья жизни для мечты,
О сладком бытии растений
В убранстве зимней красоты.
Но я не внемлю, не приемлю
Их мерный шепот, белый зов.
Люблю воскреснувшую землю
И кровь растоптанных цветов!
Нет, нет, не надо мертвой неги
В лучах прельстительной луны!
Вставайте, мощные побег,
На пире огненной весны!
Я буду сам как стебель явлен,
Омою в зное венчик свой
И лягу, сломан и раздавлен,
До первой вьюги снеговой!

Проза:

Ф. М. Достоевский «Идиот».

Назначенный час был двенадцатый, но князь совершенно неожиданно опоздал. Воротясь домой, он застал у себя ожидавшего его генерала. Извинившись, князь поспешил сесть, но как-то

странно робея, точно гость его был фарфоровый, а он поминутно боялся его разбить. Скоро князь разглядел, что это совсем другой человек, вместо смятения и рассеянности проглядывала какая-то необыкновенная сдержанность; можно было заключить, что это человек, на что-то решившийся окончательно. — Я оставляю дом Лебедева потому, милый князь, потому, что с этим человеком порвал; порвал вчера вечером, с раскаянием, что не раньше. Я требую уважения, князь, если он вдруг, в глаза, имеет дерзость уверять, что в двенадцатом году, еще ребенком, он лишился левой своей ноги и похоронил ее на Ваганьковском кладбище, то уж это заходит за пределы, являет неуважение, показывает наглость... — Может быть, это была только шутка для веселого смеха. Генерал посмотрел на князя решительно свысока и чуть не с насмешкой. — князь, — особенно плавно протянул он, признайтесь, что вам смешна даже мысль, что этот человек был личным свидетелем... великих событий. — Я моложав на вид, — но я несколько старше годами, В двенадцатом году я был лет десяти или одиннадцати. Лет моих я и сам хорошенько не знаю. — Уверю вас, генерал, что совсем не нахожу странным, что в двенадцатом году вы были в Москве. — Вот видите, — снисходительно одобрил генерал, — случай со мной, конечно, выходит из обыкновенных, Но приключение с десятилетним ребенком, может быть, именно объясняется его возрастом. в день шествия Наполеона в Москву, я ничего не испугался и пробился сквозь толпу к самому даже крыльцу дворца, когда Наполеон слезал с лошади. — Без сомнения, вы отлично заметили, что именно десяти лет можно было не испугаться... — поддакнул князь, робея и мучаясь мыслью, что сейчас покраснеет. — Без сомнения, и всё произошло так просто и натурально, как только может происходить в самом деле; возмись за это дело романист, он наплетет небылиц и невероятностей. — Не правда ли? — вскричал генерал, засверкав даже глазами от удовольствия. — Мальчик, ребенок, пробирается сквозь толпу, чтоб увидеть блеск, мундиры, свиту и, наконец, великого человека, о котором так много накричали ему. Наполеон, проходя в двух шагах, бросил на меня свой орлиный взгляд, кивнул на меня головой, произведен в камер-пажи. Я был рад блестящий мундир, что для ребенка составляет многое. Однажды ночью, я бросился к нему со слезами (о, я любил его!): "Попросите, попросите прощения у императора Александра!" — закричал я ему. "О дитя мое! — отвечал он, — он ходил взад и вперед по комнате, — о дитя мое! — он как бы не замечал тогда, что мне десять лет, и даже любил разговаривать со мной, — о дитя мое, я готов целовать ноги императора Александра, но зато королю прусскому, но зато австрийскому императору, о, этим вечная ненависть, и... наконец... ты ничего не смыслишь в политике!". Притом же Наполеон очень скоро потерял всякую надежду приблизить к себе русских и, уж конечно, забыл бы и обо мне, если бы... если б он не полюбил меня лично, я смело говорю это теперь. Всего чаще находился при нем Даву, Помню, они совещались уже несколько дней; были вдвоем в кабинете, я третий, почти не замеченный ими. Вдруг взгляд Наполеона случайно падает на меня, странная мысль мелькает в глазах его. "Ребенок! — говорит он мне вдруг, — как ты думаешь: если я приму православие и освобожу ваших рабов, пойдут за мной русские или нет?" — "Никогда!" — вскричал я в негодовании. Наполеон был поражен. "В заблиставших патриотизмом глазах этого ребенка, — сказал он, — я прочел мнение всего русского народа. А назавтра же было объявлено выступление. — Всё это чрезвычайно интересно, — произнес князь ужасно тихо, — если это всё так и было... то есть, я хочу сказать... — поспешил было он поправиться. — О князь! — вскричал генерал, упоенный своим рассказом до того, что, может быть, уже не мог бы остановиться даже перед самою крайнею неосторожностью, — вы говорите: "Всё это было!". Но было более, уверю вас, что было гораздо более! но увы! судьбы наши разделились! Мы разошлись: он — на знойный остров, где хотя раз, в минуту ужасной скорби, вспомнил, может быть, о слезах бедного мальчика, обнимавшего и простившего его в Москве; Он уже садился на коня. "Напишите мне что-нибудь в альбом моей сестры на память "произнес я, робея, потому что он был очень расстроен и мрачен. Он взял альбом. И черкнул в альбом 1 "Никогда не лгите! Наполеон, ваш искренний друг" (франц.) Такой совет и в такую минуту, согласитесь, князь! — Да, это знаменательно. — Этот листок, в золотой рамке, под стеклом, всю жизнь провисел в гостиной, Как задержал я вас, князь! Это непростительно. Генерал встал со

стула. — О, напротив! — промямлил князь. — Вы так меня заняли и... наконец... это так интересно; я вам так благодарен! — Князь! — сказал генерал, опять сжимая до боли его руку и сверкающими глазами пристально смотря на него, как бы сам вдруг опомнившись и точно ошеломленный какою-то внезапною мыслию, — князь! Вы до того добры, до того простодушны, что мне становится даже вас жаль о, благослови вас бог! О, простите, простите! Он быстро вышел, закрыв лицо руками. В искренности его волнения князь не мог усомниться. Он понимал также, что это был один из того разряда лгунов, которые хотя и лгут до сладострастия и даже до самозабвения, но и на самой высшей точке своего упоения все-таки подозревают, что ведь им не верят, да и не могут верить.

А. П. Чехов Каштанка (отрывок).

В один прекрасный вечер хозяин вошел в комнатку с грязными обоями и, потирая руки, сказал:

- Ну-с...

Что-то он хотел еще сказать, но не сказал и вышел. Тетка, отлично изучившая во время уроков его лицо и интонацию, догадалась, что он был взволнован, озабочен и, кажется, сердит. Немного погодя он вернулся и сказал:

- Сегодня я возьму с собой Тетку и Федора Тимофеича. В египетской пирамиде ты, Тетка, заменишь сегодня покойного Ивана Иваныча. Черт знает что! Ничего не готово, не выучено, репетиций было мало! Осрамимся, провалимся!

Затем он опять вышел и через минуту вернулся в шубе и в цилиндре. Подойдя к коту, он взял его за передние лапы, поднял и спрятал его на груди под шубу, причем Федор Тимофеич казался очень равнодушным и даже не потрудился открыть глаз. Для него, по-видимому, было решительно все равно: лежать ли, или быть поднятым за ноги, валяться ли на матрасике, или покоиться на груди хозяина под шубой.

- Тетка, пойдем, - сказал хозяин.

Ничего не понимая и виляя хвостом, Тетка пошла за ним. Через минуту она уже сидела в санях около ног хозяина и слушала, как он, пожимаясь от холода и волнения, бормотал:

- Осрамимся! Провалимся!

Сани остановились около большого странного дома, похожего на опрокинутый супник. Длинный подъезд этого дома с тремя стеклянными дверями был освещен дюжиной ярких фонарей. Двери со звоном отворялись и, как рты, глотали людей, которые сновали у подъезда. Людей было много, часто к подъезду подбегали и лошади, но собак не было видно.

Хозяин взял на руки Тетку и сунул ее на грудь, под шубу, где находился

Федор Тимофеич. Тут было темно и душно, но тепло. На мгновение вспыхнули две тусклые зеленые искорки - это открыл глаза кот, обеспокоенный холодными жесткими лапами соседки. Тетка лизнула его ухо и, желая усесться возможно удобнее, беспокойно задвигалась, смяла его под себя холодными лапами и нечаянно высунула из-под шубы голову, но тотчас же сердито заворчала и нырнула под шубу. Ей показалось, что она увидела громадную, плохо освещенную комнату, полную чудовищ; из-за перегородок и решеток, которые тянулись по обе стороны комнаты, выглядывали страшные рожи: лошадиные, рогатые, длинноухие и какая-то одна

толстая, громадная рожа с хвостом вместо носа и с двумя длинными обглоданными костями, торчащими изо рта. Кот сипло замыкал под лапами Тетки, но в это время шуба распахнулась, хозяин сказал "гоп!", и Федор Тимофеич и Теткою прыгнули на пол. Они уже были в маленькой комнате серыми дощатыми стенами; тут, кроме небольшого столика с зеркалом, табурета и тряпья, развешанного по углам, не было никакой другой мебели, и, вместо лампы или свечи, горел яркий веерообразный огонек, приделанный к тумбочке, вбитой в стену. Федор Тимофеич облизал свою шубу, помятую Теткой, пошел под табурет и лег. Хозяин, все еще волнуясь, и потирая руки, стал раздеваться... Он разделся так, как обыкновенно раздевался у себя дома, готовясь лечь под байковое одеяло, то есть снял все, кроме белья, потом сел на табурет и, глядя в зеркало, начал выделывать над собой удивительные штуки. Прежде всего он надел на голову парик с пробором и с двумя вихрами, похожими на рога, потом густо намазал лицо чем-то белым и сверх белой краски нарисовал еще брови, усы и румяны. Затем его этим не кончились. Опачкавши лицо и шею, он стал облачаться в какой-то необыкновенный, ни с чем не сообразный костюм, какого Тетка никогда не видала раньше ни в домах, ни на улице. Представьте вы себе широчайшие панталоны, сшитые из ситца с крупными цветами, какой употребляется в мещанских домах для занавесок и обивки мебели, панталоны, которые застегиваются у самых подмышек; одна панталона сшита из коричневого ситца, другая из светло-желтого. Утонувши в них, хозяин надел еще ситцевую курточку с большим зубчатым воротником и с золотой звездой на спине, разноцветные чулки и зеленые башмаки... У Тетки запестрило в глазах и в душе. От белолицей мешковатой фигуры пахло хозяином, голос у нее был тоже знакомый, хозяйский, но бывали минуты, когда Тетку мучили сомнения, и тогда она готова была бежать от пестрой фигуры и лаять. Новое место, веерообразный огонек, запах, метаморфоза, случившаяся с хозяином, - все это вселяло в нее неопределенный страх и предчувствие, что она непременно встретится с каким-нибудь ужасом, вроде толстой рожи с хвостом вместо носа. А тут еще где-то за стеной далеко играла ненавистная музыка и слышался временами непонятный рев. Одно только и успокаивало ее - это невозмутимость Федора Тимофеича. Он преспокойно дремал под табуретом и не открывал глаз, даже когда двигался табурет. Какой-то человек во фраке и в белой жилетке заглянул в комнатку и сказал:

- Сейчас выход мисс Арабеллы. После нее - вы.

Хозяин ничего не ответил. Он вытащил из-под стола небольшой чемодан, сел и стал ждать. По губам и по рукам его было заметно, что он волновался, и Тетка слышала, как дрожало его дыхание.

- М-г Жорж, пожалуйста! - крикнул кто-то за дверью.

Хозяин встал и три раза перекрестился, потом достал из-под табурета кота и сунул его в чемодан.

- Иди, Тетка! - сказал он тихо.

Тетка, ничего не понимая, подошла к его рукам; он поцеловал ее в голову и положил рядом с Федором Тимофеичем. Засим наступили потемки... Тетка топталась по коту, царапала

стенки чемодана и от ужаса не могла произнести ни звука, а чемодан покачивался, как на волнах, и дрожал... - А вот и я! - громко крикнул хозяин. - А вот и я! Тетка почувствовала, что после этого крика чемодан ударился о что-то твердое и перестал качаться. Послышался громкий густой рев: по ком-то хлопали, и этот кто-то, вероятно рожа с хвостом вместо носа, ревел и хохотал так громко, что задрожали замочки у чемодана. В ответ на рев раздался пронзительный, визгливый смех хозяина, каким он никогда не смеялся дома.

- Га! - крикнул он, стараясь перекричать рев. - Почтеннейшая публика! Я сейчас только с вокзала! У меня издохла бабушка и оставила мне наследство! В чемодане что очень тяжелое - очевидно, золото... Га-а! И вдруг здесь миллион! Сейчас мы откроем и посмотрим... В чемодане щелкнул замок. Яркий свет ударил Тетку по глазам; она прыгнула вон из чемодана и, оглушенная ревом, быстро, во всю прыть забегала вокруг своего хозяина и залилась звонким лаем. - Га! - закричал хозяин. - Дядюшка Федор Тимофеич! Дорогая Тетушка! Милые родственники, черт бы вас взял!

Он упал животом на песок, схватил кота и Тетку и принялся обнимать их. Тетка, пока он тискал ее в своих объятиях, мельком оглядела тот мир, в который занесла ее судьба, и, пораженная его грандиозностью, на минуту застыла от удивления и восторга, потом вырвалась из объятий хозяина и от остроты впечатления, как волчок, закружилась на одном месте. Новый мир был велик и полон яркого света; куда ни взглянешь, всюду, от пола до потолка, видны были одни только лица, лица, лица и больше ничего.

- Тетушка, прошу вас сесть! - крикнул хозяин.

Помня, что это значит, Тетка вскочила на стул и села. Она поглядела на хозяина. Глаза его, как всегда, глядели серьезно и ласково, но лицо, в особенности рот и зубы, были изуродованы широкой неподвижной улыбкой. Сам он хохотал, прыгал, подергивал плечами и делал вид, что ему очень весело в присутствии тысячей лиц. Тетка поверила его веселости, вдруг почувствовала всем своим телом, что на нее смотрят эти тысячи лиц, подняла вверх свою лисью морду и радостно завывала.

- Вы, Тетушка, посидите, - сказал ей хозяин, - а мы с дядюшкой попляшем камаринского.

Федор Тимофеич в ожидании, когда его заставят делать глупости, стоял и равнодушно поглядывал по сторонам. Плясал он вяло, небрежно, угрюмо, и видно было по его движениям, по хвосту и по усам, что он глубоко презирал и толпу, и яркий свет, и хозяина, и себя... Протанцевав свою порцию, он зевнул и сел.

- Ну-с, Тетушка, - сказал хозяин, - сначала мы с вами споем, а потом попляшем. Хорошо? Он вынул из кармана дудочку и заиграл. Тетка, не вынося музыки, беспокойно задвигалась на стуле и завывала. Со всех сторон слышались рев и аплодисменты. Хозяин поклонился и, когда все стихло, продолжал играть... Во время исполнения одной очень высокой ноты где-то наверху среди публики кто-то громко ахнул.

- Тятка! - крикнул детский голос. - А ведь это Каштанка!

- Каштанка и есть! - подтвердил пьяненький, дребезжащий тенорок. -Каштанка! Федюшка, это, накажи бог, Каштанка! Фюйть!

Кто-то на галерее свистнул, и два голоса, один - детский, другой мужской, громко позвали:

- Каштанка! Каштанка!

Тетка вздрогнула и посмотрела туда, где кричали. Два лица: одно волосатое, пьяное и ухмыляющееся, другое - пухлое, краснощекое и испуганное, ударили по ее глазам, как раньше ударил яркий свет... Она вспомнила, упала со стула и забилась на песке, потом вскочила и с радостным визгом бросилась к этим лицам. Раздался оглушительный рев, пронизанный насквозь свистками и пронзительным детским криком:

- Каштанка! Каштанка!

Тетка прыгнула через барьер, потом через чье-то плечо, очутилась в ложе; чтобы попасть в следующий ярус, нужно было перескочить высокую стену; Тетка прыгнула, но не допрыгнула и поползла назад по стене. Затем она переходила с рук на руки, лизала чьи-то руки и лица, подвигалась все выше и выше и, наконец, попала на галерку...

Спустя полчаса Каштанка шла уже по улице за людьми, от которых пахло клеем и лаком. Лука Александрыч покачивался и инстинктивно, наученный опытом, старался держаться подальше от канавы.

- В бездне греховней валяюся во утробе моей... - бормотал он. - А ты,

Каштанка, - недоумение. Супротив человека ты все равно, что плотник супротив столяра.

Рядом с ним шагал Федюшка в отцовском картузе. Каштанка глядела им обоим в спины, и ей казалось, что она давно уже идет за ними и радуется, что жизнь ее не обрывалась ни на минуту. Вспомнила она комнатку с грязными обоями, гуся, Федора Тимофеича, вкусные обеды,

Василий Шукшин Операция Ефима Пьяных (в сокращении).

Ефим Пьяных понял это ночью. Толкнул жену. – Чего? – недовольно откликнулась та. – Это... осколок, однако, начал выходить. Вот он – колется, змей. С вечера чуял... – Где? – Ну, где?... Куда ранило-то, не знаешь, что ли? – Там? – изумилась Соня. – Но. – Чо же ты, двадцать лет сидел на ем и не чуял? Как так? – Так и не чуял! Как... Да большой! – Ефим горько прицокнул языком. – Замучает, паразит. Соня засмеялась. – Как теперь сидеть-то будешь? Боком, что ли? – Смешно! Тебе бы час... не веселилась бы. Помолчали. – Что делать теперь, ума не приложу. Соня не выдержала и опять засмеялась, уткнувшись лицом в подушку. – Смешинка в рот попала? – сердито спросил Ефим. – Как дура... – Не сердись, Ефим. Шибко на интересном месте он у тебя... – Соня повозилась, вытирая слезы уголком наволочки. – А чего уж так испугался-то? Не рожать ведь. Ну выйдет. Они сами, что ли, выходят? – Пока он выйдет, на самом деле родить можно. Вырезают их. Было у ребят в госпитале... – Ну и вырежи. Ефим промолчал на это. Он и сам подумал: «Придется вырезать». Но вспомнил, что у них в больнице нет ни одного врача-мужчины. Мало того, хирург – совсем молодая женщина. Двадцать лет назад, в госпитале, он не раздумывая улегся бы спиной кверху перед кем угодно – тогда не совестно было. А сейчас при

одной мысли коробит. – Посмотрим, – сказал он. – Спи. А сам долго еще думал, как теперь быть. Весь следующий день он старался быть на ногах – не сиделось. Больно. В кабинете (он был председателем колхоза), принимая народ, ходил около стола, нервничал... Материл про себя «того урода», который всыпал ему под Курском горсть железных конфет ниже пояса. Рана, в общем-то, некрасивая. В госпитале долго ржали. Но тогда – что! А сейчас ему, председателю преуспевающего колхоза, солидному человеку, придется штаны снимать перед молодыми бабенками. А те, конечно, начнут подмигивать друг другу... Еще какая-нибудь скажет: «Вот, Ефим Степаныч, теперь снова можете в президиуме заседать». Домой пришел рано. Мрачный. Сообщил: – Назревает. – Да иди ты в больницу, Господи! – воскликнула Соня. – Чего ты носишься с ним, как... не знаю кто. – В больницу!.. – Ефим закурил и стал ходить по комнате. – У нас не больница, а монастырь какой-то! Откуда их понагнало, черт их знает, – одно бабье! – Чего они тебе? – Ничего! Чего... Зарабатывал, зарабатывал авторитет, да пойду теперь растелешусь перед кем попало... Одним махом все перечеркнуть. – Тьфу! – Соня даже рассердилась на такую глупость. – Да что же ты ей, что ль, авторитет-то зарабатывал?! Какая же она у тебя такая, что ее и показывать нельзя? – Никакая. Не вякай, раз не понимаешь. Сразу вся деревня узнает, начнут потом языки чесать, черти. Не знаю я их! Им после – одно, а у них на уме – другое. Зубоскалы, черти. – Ефим злился, понимал, что это глупо, а злился. Он действительно не знал, что делать. В город ехать – чуть не сто верст. А приедешь, скажут, у вас своя больница есть. Не примут. Да и как ехать, стоя, что ли? Ночью стало совсем плохо. Ефим скрипел зубами, стонал. – Дурак, вот дурак-то, – выговаривала Соня. – Ну чего мучается? Авторитет он боится потерять! Скажи кому – засмеют. Мало мужиков лежат?.. – Лежат! Лучше рак какой-нибудь, чем эта зараза. Был бы я какой-нибудь простой человек – одно дело: позубоскалил вместе бы со всеми да ушел. Взятки гладки. А тут пальцем начнут все показывать... – Не подставлял бы ее тогда, раз такое дело. – Я бы хотел на тебя посмотреть, там... Хоть одним глазком. Что бы ты, интересно, подставила? – Ну и не переживала бы сейчас, как дура. – Дура и есть. Боль сводила спину и ногу. Временами казалось, что осколок выходит. Ефим, стиснув зубы, подолгу оглаживал нарыв, но под пальцами ничего острого или твердого не чувствовал. Нарыв сделался мокрым. – Врачи, мать их!.. все вытаскали, а один надо обязательно оставить! К утру понял Ефим, что в больницу придется идти. За ночь не сомкнул глаз, измучился. Собирался, как на муку – тянул время. – Если придут из конторы: скажешь – в район уехал. Не проболтайся смотри. – Да иди ты, иди, ради Бога. ... Чем ближе подходил Ефим к больнице, тем больше беспокоился и трусил. Ясно представлял себе, как сейчас войдет в больницу, подойдет к кабинету принимающего врача... Там, конечно, старушки сидят. С утра пораньше. Увидят его, закивают головками... – Тоже, Степаныч? Чем занедужил, родной? «Старух надо почаще гонять из больницы. Только место занимают. Молодому колхознику день приходится тратить, чтобы пробиться к врачу». ...Ну, допустим, его пропустили без очереди. Врач. Молодая важная женщина. – Что с вами? – Осколок. – Где? – Там. – Где «там»? – Ну, там... – Может, здесь посмеяться надо для блезира? – Хе-хе-хе... Да в самом, знаете, интересном месте, как сострила моя жена. – Покажите. «Господи! За что мне наказание такое?! Не

мог он, подлец, еще-то лет десять пролежать там!» Во дворе больницы Ефим пошел совсем тихо. «Мужиков в такую рань здесь никого, конечно, нет, – мучился он. – Хоть бы покурить с кем, отвести душу перед тем, как... штаны снимать в кабинете». Мужиков действительно никого не было в коридоре. Зато полно баб. Сидят на белых скамейках, на диване – все несчастные и немножко торжественные. Тихо переговариваются между собой, вздыхают. Есть и молодые. Одна молодая рассказывает другой, постарше: – Как вступит, вступит, ну, думаю, конец пришел. Прямо сюда – как вступит, вступит... Пожилая понимающе, чуть принахмурившись и строго глядя в окно, кивает головой. А еще две шептались. Одна тихонько ахает, а другая трогает ее за колено и торопится досказать: – ... Я грю, да ты чо же, змей подколодный, делаешь-то?.. У тебя, грю, чо, кулак-то ватный, ли чо ли?.. Увидев Ефима Степаныча, перестали жужжать, с любопытством уставились на него. «Несдобровать, – с отчаянием подумал Ефим. – Мигом разузнают – к обеду вся деревня хаханьки будет разводиться». Подошел к очереди, насмешливо оглядел страждущих. – Многонько вас! А вот в праздники-то, когда они бывают, никого ведь нету тут. Не хвораете, что ль, в праздники? – Спросил и сам не понял – зачем? – У нас по праздникам, Ефим Степаныч, без того хлопот много, – откликнулась одна. – Вот то-то и гляжу: много хворых. Где у них тут главный сидит? – Главврач? – Но. – А вон кабинет. Во-он, клеенкой-то обшитый. Ефим пошел в указанный кабинет, стараясь не хромать. Главного еще не было. В кабинете сидела красивая полная женщина с родинкой на щеке. – Главного нет. А вы что хотели? – вежливо спросила женщина. – Я председатель здешний. Она насчет дров обращалась... – Да, да, да, я в курсе дела. Дрова очень нужны – зима скоро. «А то я сам не знаю, скоро зима или не скоро», – съехидничал про себя Ефим. – Можете брать. Но транспорта у меня нету. – А на чем же мы? – Это уж я не знаю. В сельсовет обратитесь. Мое дело – дрова. Из больницы Ефим шел злой. «Шестьдесят кубометров – как псу под хвост. Черт дернул с дровами-то вылететь!.. Неужели нельзя было какое-нибудь другое заделье найти». Дрова все равно пришлось бы доставить в больницу, но так вот: прийти и самому навялить – это анекдот, так никакой, самый захудалый председателишко не сделает. «Совсем сдурел». А сзади болело так, что каждый шаг отдавался аж в затылке. «Пойду сам сделаю операцию», – решил Ефим. Соня встретила восклицанием: – Ну вон как скоро! А ты боялся... – Не шуми. Сейчас будем сами резать. Вскипяти воду, положи туда ножик... В общем, я буду подсказывать. – Да ты чо, Ефим!.. – заговорила было Соня, но Ефим так глянул на нее, что та осеклась на полуслове. – Хватит! Надоело мне с ним нянчиться. Ребятишки в школе? – В школе. – Запирайся на крючок и... устроим полевой лазарет. – Я не буду, Ефим. Я боюсь. – Чего боишься? – Резать боюсь. Ты чо, сдурел? – Да чо тут бояться-то?! – Не буду, – уперлась Соня. – Мы же заражение сделаем. – Прокипятим как следует – никакого заражения не будет. Как в войну резали!.. – прямо в окопах. – У врача-то не был? – Не пойду я к врачу. Все. Давай сами. Сейчас за милую душу операцию сварганим. – Не дури, Ефим. Хошь, я сама схожу в больницу и приведу кого-нибудь – прямо здесь вырежут. И никто не узнает... – Опять за свое?! – взорвался Ефим. – Говорят дуре такой – не могу, дак нет – свое! Кипяти воду! Соня тоже была упрямая баба. – Не дурачься – не дурней тебя. Черт недорезанный... Заражение сделаем – куда потом одна с

ребятишками-то денусь? Только о себе думает! Вон какие люди хворают, да и то к врачам ходят, а он, видите, не может свой зад показать. Кому он нужен к черту!.. там глядеть-то не на что... Ефим как-то непонятно спокойно посмотрел на жену. Сказал: – Выйди на пять минут за дверь. Мне надо ее обследовать перед зеркалом. Соня, в свою очередь, подозрительно взглянула на мужа. – Чего затеял? – Выйди, я ее смотреть буду! Что, шибко охота глянуть? – Тьфу! – Соня вышла. Ефим достал из сундука чистую простынь, расстелил на полу, приспустил штаны... Постоял, подумал... Отошел немножко, разбежался и сел с маху на простынь. И еще проехался маленько... Соня в сенях услышала глухой, сквозь стиснутые зубы, вскрик мужа, бросилась в избу. Ефим лежал на боку, держал в руках штаны и тихонько матерился. – Все, теперь выйдет... Без ножаобойдемся.

А. П. Чехов В пансионе (в сокращении).

В частном пансионе m-me Жевузем бьет двенадцать. Пансионерки, вялые и худосочные, взявшись под руки, чинно прогуливаются по коридору. Классные дамы, желтые и весноватые, с выражением крайнего беспокойства на лицах, не отрывают от них глаз и, несмотря на идеальную тишину, то и дело выкрикивают: «Медам! Силянс!» В учительской комнате, в этой таинственной святая святых, сидят сама Жевузем и учитель математики Дырявин. Учитель давно уже дал урок, и ему пора уходить, но он остался, чтобы попросить у начальницы прибавки. Зная скупость «старой шельмы», он поднимает вопрос о прибавке не прямо, а дипломатически.

— Гляжу я на ваше лицо, Бьянка Ивановна, и вспоминаю прошлое... — говорит он вздыхая. — Какие прежде, в наше время, красавицы были! Господи, что за красавицы! Пальчики обсосешь! А теперь? Перевелись красавицы! Настоящих женщин нынче нет, а всё какие-то, прости господи, трясогузки да кильки... Одна другой хуже...

— Нет, и теперь много красивых женщин! — картавит Жевузем.

— Где? Покажите мне: где? — горячится Дырявин. — Полноте, Бьянка Ивановна! По доброте своего сердца вы и белужью харю назовете красавицей, знаю я вас! Извините меня за эти кель-выражансы, но я искренно вам говорю. Нарочно вчера на концерте осматривал женщин: рожа на роже, кривуля на кривуле! Да взять вот хоть наш старший класс. Ведь всё это бутоны, невесты, самые, можно сказать, сливки — и что же? Восемнадцать их штук, и хоть бы одна хорошенькая!

— Вот и неправда! Кого ни спросите, всякий вам скажет, что в моем старшем классе много хорошеньких. Например, Кочкина, Иванова 2-я, Пальцева... А Пальцева просто картинка! Я женщина, да и то на нее заглядываюсь...

— Удивительно... — бормочет Дырявин. — Ничего в ней нет хорошего...

— Прекрасные черные глаза! — волнуется Жевузем. — Черные, как тушь! Вы поглядите на нее: это... это совершенство! В древности с нее писали бы богинь!

Дырявин отродясь не видал таких красавиц, как Пальцева, но жажда прибавки берет верх над справедливостью, и он продолжает доказывать «старой шельме», что в настоящее время красавиц нет...

— Только и отдыхаешь, когда взглянешь на лицо какой-нибудь пожилой дамы, — говорит он. — Правда, молодости и свежести не увидишь, но зато глаз отдохнет хоть на правильных чертах... Главное — правильность черт! А у вашей Пальцевой на лице не черты, а какая-то сметана... кислятина...

— Значит, вы не всматривались в нее... — говорит Жевузем. — Вы всмотритесь, да тогда и говорите...

— Ничего в ней нет хорошего, — угрюмо вздыхает Дырявин.

Жевузем вскакивает, идет к двери и кричит:

— Позвать ко мне Пальцеву! Вы всмотритесь в нее, — говорит она учителю, отходя от двери. — Вы обратите внимание на глаза и на нос... Лучшего носа во всей России не найти.

Через минуту в учительскую входит Пальцева, девочка лет семнадцати, смуглая, стройная, с большими черными глазами и с прекрасным греческим носом.

— Подойдите поближе... — обращается к ней Жевузем строгим голосом. — М-г Дырявин вот жалуется мне, что вы... что вы невнимательны за уроками математики. Вы вообще рассеянны и... и...

— И по алгебре плохо занимаетесь... — бормочет Дырявин, рассматривая лицо Пальцевой.

— Стыдно, Пальцева! — продолжает Жевузем. — Нехорошо! Неужели вы хотите, чтобы я наказывала вас наравне с маленькими? Вы уже взрослая, и вы должны другим пример подавать, а не то что вести себя так дурно... Но... подойдите поближе!

Жевузем говорит еще очень много «общих мест». Пальцева рассеянно слушает ее и, шевеля ноздрями, глядит через голову Дырявина в окно...

«Отдай всё — и мало, — думает математик, рассматривая ее. — Роскошь девочка! Ноздрями шевелит, пострел.. Чует, что в июне на волю вырвется... Дай только вырваться, забудет она и эту Жевузешку, и болвана Дырявина, и алгебру... Не алгебра ей нужна! Ей нужен простор, блеск... нужна жизнь...»

Дырявин вздыхает и продолжает думать:

«Ох, эти ноздри! И месяца не пройдет, как вся моя алгебра пойдет к чёрту... Дырявин обратится в скучное, серое воспоминание... Встречусь ей, так она только ноздрями пошевелит и здравствуй не скажет. Спасибо хоть за то, что коляской не раздавит...»

— Хорошие успехи могут быть только при внимании и прилежании, — продолжает Жевузем, — а вы невнимательны... Если еще будут продолжаться жалобы, то я принуждена буду наказывать вас... Стыдно!

«Не слушай, ангел, эту сухую лимонную корку, — думает Дырявин. — Нисколько не стыдно... Ты гораздо лучше всех нас вместе взятых».

— Ступайте! — строго говорит Жевузем.

Пальцева делает реверанс и выходит.

— Ну что? Всмотрелись теперь? — спрашивает Жевузем.

Дырявин не слышит ее вопроса и всё еще думает.

— Ну? — повторяет начальница. — Плоха, по-вашему?

Дырявин тупо глядит на Жевузем, приходит в себя и, вспомнив о прибавке, оживает.

— Хоть убейте, ничего хорошего не нахожу... — говорит он. — Вы вот уже в летах, а нос и глаза у вас гораздо лучше, чем у нее... Честное слово... Поглядитека на себя в зеркало .

Александр Вампилов Глупости (в сокращении).

Где и когда встретились эти молодые люди, вам знать вовсе не обязательно. Важно лишь знать, что встретились они совсем недавно и теперь шли рядом по тихой городской улице. Сентябрьский вечер был необыкновенно хорош. Весь день шел дождь, и солнце выглянуло только перед самым заходом – забежало проститься, – и теперь над низкими заборами сквозь блестящую листву мелькал его розовый след. По мокрому асфальту скользили недавно зажженные фонари.

– Какой вечер! Какой воздух! Я даже не знаю. Мне хочется сделать сейчас какую-нибудь глупость! – Девушка остановилась и, повернувшись к молодому человеку, продолжала шутливо и капризно:– Почему вы молчите? В такой вечер неприлично молчать. В такой вечер надо говорить красивые и возвышенные вещи. И в самом деле, настроение у нее было если не возвышенное, то возбужденное, отчего она, хорошенькая и без того, делалась еще привлекательней. Никитин, так звали ее собеседника, улыбнувшись и смутившись, проговорил:

– Я не поэт, Лиля, но если вы хотите. По лицу Лили скользнула неуловимая улыбка. Так может говорить только влюбленный, и, точно, Никитин уже был серьезно, беспросветно влюблен. Никитин–студент, веселый, живой юноша, светловолосый и голубоглазый. Беспечный владелец бесценных сокровищ молодости, он не гонялся еще за счастьем сам, а наступал ему на пятки нечаянно. Встречу с Лилей он считал первой удачей своей жизни, второй удачей для него было бы поцеловать ее. Никитина нетрудно понять, стоит только увидеть эту девушку. Волосы ее могли растрогать, глаза взволновать, улыбка оживить камень и произвести впечатление даже на мрачного сотрудника бракоразводного отдела. Улицу пересекала другая – многолюдная, шумная, с трамвайной линией и с вереницей легковых машин. Никитин свернул было на нее, но Лиля вдруг сказала:

– Не хочу сюда. Знаете что? Сядем сейчас в трамвай и поедем куда-нибудь на окраину, в незнакомое место, там сойдем и вернемся пешком. Что, легкомысленно?!

– Не очень, – ответил Никитин. – Я предлагаю на край света. Но на трамвайной остановке собралась толпа, численностью напоминающая скопление поганых под древним Киевом, и Никитин остановил такси, за что Лиля остановила на нем взгляд, полный признательности и внимания. Шофер, пожилой мужчина в ученической фуражке и с сигаретой в зубах, спросил не оборачиваясь:

– Куда?

– До Дерibasовской, – сказал счастливый Никитин. Дерibasовской в этом городе никогда не было. Шофер повернулся, взглянул на Никитина, рассмотрел улыбающуюся Лилю, но ничего не сказал и тронул машину.

– Давай за город! – пояснил Никитин. Машина пристроилась к цепочке «Москвичей» и «Побед», медленно миновала два перекрестка, свернула на третьем и стала набирать скорость. На улицах света становилось все меньше и меньше, мимо скользнул последний огонек какой-то сторожки, и машина выскочила на пустое и ровное шоссе, рассекающее темный ночной лес. Никитин не отрываясь смотрел Лиле в лицо. Неизвестно когда появившаяся луна стремительно прыгала по верхушкам ближних деревьев, резала их темные силуэты или летела по воздуху. Лиля следила за ней, широко раскрыв глаза, с каким-то наивным вниманием, и по лицу ее то и дело бешено струились тени. Шоссе чуть свернуло в сторону, луна стала отставать. Лиля, чтобы видеть ее, невольно потянулась в сторону Никитина, и тот, не в силах уже больше выдержать, взял ее за плечи и два раза поцеловал в губы.

– Разверните машину! – звонким, срывающимся от негодования и обиды голосом скомандовала Лиля. Шофер усмехнулся и сбавил ход.

– Вы слышали? – повторила Лиля.

– Лиля, послушайте... – тихо начал Никитин.

– Я с вами больше не разговариваю, – быстро перебила она, – я вас больше не знаю. Шофер остановил машину, повернулся и, нагло подмигнув Никитину, заговорил:

– Было у меня несколько таких случаев, так некоторые девочки пешком отсюда, извините за выражением, топали...

– Ах, вот как! Откройте дверцу! И Лиля, вдруг всхлипнув, попыталась открыть замкнутую с ее стороны дверцу.

– Разворачивайся! – грубо приказал Никитин.

– Пропустите меня. Я сойду, – сказала Лиля, обращаясь к Никитину. Хотя в глазах у нее светились слезы, она сказала это гордо и надменно. Но машина уже разворачивалась, а Никитин сидел не шевелясь и глядел прямо перед собой. Обратную дорогу весь экипаж хранил мрачное молчание, если не считать того, что Никитин указывал дорогу до Лилиного дома. Выйдя из машины, Лиля молча направилась во двор. Никитин бросился за ней.

– Эй, парень! А заплатить! – испуганно залопотал шофер.

– Жди здесь! – крикнул Никитин. Он догнал Лилю и очутился в классической позиции влюбленного – между возлюбленной и дверью.

– Пустите меня, – сказала Лиля строго. – Вы ужасный человек. Мы едва еще знакомы, и вы... Пустите меня, я не хочу вас видеть.

– Не пущу, – заявил Никитин с отчаянием, – не пущу до тех пор, пока вы не скажете, что не сердитесь.

– Идите, вас ждет шофер, – сухо отвечала Лиля.

– Он будет ждать до тех пор, пока вы не скажете, что не сердитесь на меня, – запальчиво сказал Никитин.

– В таком случае вы будете разорены... Диалог затянулся на полтора часа. Никитин говорил о том, что не хотел обидеть Лилю, что все вышло помимо его воли, объяснился между

прочим в любви и продолжал «осаду крепости» с соответствующими случаю отчаянием и упорством. Лиля говорила о том, что еще никто в жизни с ней так не обращался и что она, наверное, никогда не простит Никитину эту грубость, а себе глупость и легкомыслие, с которыми она села в машину. Два раза в воротах появлялся шофер, кричал: «Эй, парень!» – и, неслышно ругаясь, исчезал. Появившись в третий раз, он крикнул: «Не меньше полбумаги», – и погрозил пальцем.

– Идите, идите, – все еще насмешливо сказала Лиля. – Вы пустите себя по миру, а потом будете обвинять меня...

– Вам не надоело? – кипятился Никитин. – При чем здесь шофер и его такси? Я могу оплатить в таком случае самолет. Ясно это вам? Вы мерзнете – это другое дело. Скажите, что вы простили мне... и я уйду.

– Хорошо. Я все скажу завтра вечером. И она насмешливо добавила:

– Только не приезжайте, пожалуйста, на такси. Таким образом можно вырвать даже признание в любви.

– До свиданья!

– До свиданья! – слышалось уже за дверью. Шофер нетерпеливо прохаживался вдоль машины.

– Едем ко мне... или лучше к моим друзьям. Там расплатимся, – весело сказал Никитин и, с силой захлопнув дверцу, добавил: – Погоняй! Назавтра было воскресенье, и Лиля с утра ушла гостить к своей тете, которая жила на окраине города. Там, помогая поливать капустные грядки, Лиля со всеми подробностями описала вчерашний вечер.

– Нахал, – заключила добродушная Надежда Ивановна, – самый натуральный нахал. Неделю как знаком с девушкой – и уже такие штуки... Надежда Ивановна была женщиной пожилой, одинокой и доброй. Больше всего на свете она любила племянницу, чай с малиновым вареньем и разговоры о нравственности.

– Таких, милая, гнать надо, – продолжала она. – Он случайно не Эдик? Мне почему-то кажется, что все Эдики ходят в узких штанах и все – негодяи. Ты, Лиля, будь начеку, ты совсем еще ребенок. Ты можешь наделать массу глупостей... После обеда Лиля уснула на большой, как стол для игры в пинг-понг, кровати Надежды Ивановны. Ей приснился вчерашний водитель такси. Он пришел к крыльцу ее дома с букетом цветов и, смущенно улыбаясь, бормотал какие-то нежности. Лиля проснулась и рассмеялась. Тотчас же в спальню вошла Надежда Ивановна.

– Ты уже не спишь? Ну, давай пить чай. И пригласим парня...

– Какого еще парня?

– А вон во дворе колет дрова. Тут недалеко живет студент. После обеда приходит и говорит: «Это вам, кажется, требуется дровосек?» Как же: мне давно требуется – привезли два кубометра чурок, кому у меня их колоть? Парень скромный, хороший, не какой-нибудь Эдик. Сколько, спрашиваю, за работу. Не знаю, говорит, сколько дадите. Я человек гуманный, мне бы, говорит, порезвиться. И вот уже три часа резвится. Они вышли в другую комнату, окна которой

выходили во двор. Посреди двора без рубахи стоял Никитин и махал тяжелым колуном. На его широких загорелых плечах играли солнечные зайчики. Лиля вспыхнула и спряталась за Надежду Ивановну.

– Вот парень! Не то что катаются там всякие на такси, – не унималась старуха.

– Не надо его звать пить чай, – еле слышно сказала Лиля.

– Как знаешь, – проговорила Надежда Ивановна и ушла в кухню. Прислонившись к подоконнику, Лиля продолжала смотреть во двор... Вечером Никитин и Лиля снова бродили по красивым и тихим улицам города. О вчерашнем они почему-то не разговаривали, и только, прощаясь, Никитин спросил:

– Вы простили мне вчерашнее?

– Я простила тебя, – сказала Лиля тихо, – и боюсь, что, если это повторится, прошу еще...

Надежда Тэффи Свой и чужие.

Всех людей, по отношению к нам, мы разделяем на "своих" и "чужих". Свои - это те, о которых мы знаем наверное, сколько им лет и сколько у них денег. Лета и деньги чужих скрыты от нас вполне и на веки, и если почему-нибудь тайна эта откроется нам, - чужие мгновенно превратятся в своих, а это последнее обстоятельство крайне для нас невыгодно, и вот почему: свои считают своей обязанностью непременно резать вам в глаза правду-матку, тогда как чужие должны деликатно привирать. Чем больше у человека своих, тем больше знает он о себе горьких истин, и тем тяжелее ему живется на свете. Встретите вы, например, на улице чужого человека. Он улыбнется вам приветливо и скажет: - Какая вы сегодня свеженькая! А через три минуты (что за такой срок может в вас измениться?) подойдет свой, он посмотрит на вас презрительно и скажет: - А у тебя, голубушка, что-то нос вспух. Насморк, что ли? Если вы больны, от чужих вам только радость и удовольствие: соболезнующие письма, цветы, конфеты. Свой - первым делом начнет допытываться, где и когда могли вы простудиться, точно это самое главное. Когда, наконец, по его мнению, место и время установлены, он начнет вас укорять, зачем вы простудились, именно там и тогда. - Ну, как это можно было идти без калош к тете Маше! Это прямо возмутительно - такая беспечность в твои лета! Кроме того, чужие всегда делают вид, что страшно испуганы вашей болезнью и что придают ей серьезное значение. - Боже мой, да вы, кажется, кашляете! Это ужасно! У вас, наверное, воспаление легких! Ради Бога, созовите консилиум. Этим шутить нельзя. Я, наверное, сегодня всю ночь не засну от беспокойства. Все это для вас приятно, и, кроме того, больному всегда лестно, когда его ерундовую инфлуэнцу, ценою в 37 градусов и одна десятая, величают воспалением легких. Свои ведут себя совсем иначе. - Скажите, пожалуйста! Уж он и в постель завалился! Ну, как не стыдно из-за такой ерунды! Возмутительная мнительность... Ну, возьми себя в руки! Подбодрись - стыдно так раскисать! Хороша ерунда, когда у меня температура тридцать восемь, - пишите вы, привирая на целый градус. - Великая важность! - издевается свой. - Люди тиф на ногах переносят, а он из-за тридцати восьми градусов умирать собирается. Возмутительно! И он будет долго издеваться над вами, припоминая разные забавные

историйки, когда вы также томно закатывали глаза и стонали, а через два часа уплетали жареную индейку. Рассказы эти доведут вас до бешенства и, действительно, поднимут вашу температуру на тот градус, на который вы ее приврали. На языке своих это называется "подбодрить больного родственника". Водить знакомство со своими очень грустно и раздражительно. Чужие принимают вас весело, делают вид, что рады вашему приходу до экстаза. Так как вы не должны знать, сколько им лет, то лица у всех у них будут припудрены и моложавы, разговоры веселые, движения живые и бодрые. А так как вы не должны знать, сколько у них денег, то, чтобы ввести вас в обман, вас будут кормить дорогими и вкусными вещами. По той же причине вас посадят в лучшую комнату, с самой красивой мебелью, на какую только способны, а спальни с драными занавесками и табуреткой вместо умывальника вам даже и не покажут, как вы ни просите. Чашки для вас поставят новые, и чайник не с отбитым носом, и салфетку дадут чистую, и разговор заведут для вас приятный - о каком-нибудь вашем таланте, а если его нет, так о вашей новой шляпе, а если и ее нет, так о вашем хорошем характере. У своих ничего подобного вы не встретите. Так как все лета и возрасты известны, то все вылезает хмурые и унылые. - Э-эх, старость, не радость. Третий день голова болит. А потом вспоминают, сколько лет прошло с тех пор, как вы кончили гимназию. - Ах, время-то как летит! Давно ли, кажется, а уж никак тридцать лет прошло. Потом, так как вам известно, сколько у них денег, и все равно вас в этом отношении уж не надуешь, то подадут вам чай с вчерашними сухарями и заговорят о цене на говядину и о старшем дворнике, и о том, что в старой квартире дуло с пола, а в новой дует с потолка, но зато она дороже на десять рублей в месяц. Чужие по отношению к вам полны самых светлых прогнозов. Все дела и предприятия вам, наверное, великолепно удадутся. Еще бы! С вашим-то умом, да с вашей выдержкой, да с вашей обаятельностью! Свои, наоборот, заранее оплакивают вас, недоверчиво качают головой и каркают. У них какие-то тяжелые предчувствия на ваш счет. И, кроме того, зная вашу беспечность, безалаберность, рассеянность и неумение ладить с людьми, они могут вам доказать, как дважды два - четыре, что вас ждут большие неприятности и очень печальные последствия, если вы вовремя не одумаетесь и не выкинете из головы дурацкой затеи. Сознание, насколько чужие приятнее своих, мало-помалу проникает в массы, и я уже два раза имела случай убедиться в этом. Однажды - это было в вагоне - какой-то желчный господин закричал на своего соседа: - Чего вы развалились-то! Нужно же соображать, что другому тоже место нужно. Если вы невоспитанный человек, так вы должны ездить в собачьем вагоне, а не в пассажирском. Имейте это в виду! А сосед ответил ему на это: - Удивительное дело! Видите меня первый раз в жизни, а кричите на меня, точно я вам родной брат! Черт знает, что такое! Второй раз я слышала, как одна молодая дама хвалила своего мужа и говорила: - Вот мы женаты уже четыре года, а он всегда милый, вежливый, внимательный, точно чужой! И слушатели не удивлялись странной похвале. Не удивлюсь и я.

4. Методические материалы, определяющие процедуры оценивания знаний, умений, навыков

В процессе изучения дисциплины предусмотрены следующие формы контроля: текущий, итоговый контроль (зачет), контроль самостоятельной работы.

Текущий контроль осуществляется в виде устного опроса и проверки заданий, выполненных на уроке и в виде домашнего задания.

Итоговый контроль осуществляется в форме зачета в 3 семестре.

Итоговая оценка предполагает суммарный учет посещения занятий, степени активности обучающегося и выполнение им всех видов аудиторной, самостоятельной работы и контрольного выступления.

Контроль самостоятельной работы студентов осуществляется в течение всего периода изучения. Формы контроля: проверка домашних заданий. Результаты контроля самостоятельной работы студентов учитываются при осуществлении итогового контроля по дисциплине.

Описание процедуры аттестации

Процедура промежуточного и итогового контроля по дисциплине проходит в соответствии с Положением о текущем контроле успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся.

- Аттестационные испытания проводятся комиссией преподавателей. В случае отсутствия ведущего преподавателя аттестационные испытания проводятся преподавателем, назначенным письменным распоряжением по кафедре (структурному подразделению).
- Информация о проведении аттестационного испытания заранее размещается в форме афиши или объявления.
- На аттестацию допускаются зрители из числа желающих.
- Оценка результатов аттестационного испытания объявляется обучающимся в день его проведения и выставляется в зачётные книжки не позднее следующего рабочего дня после их проведения.

Структура зачета

Экзамен проходит в форме творческого показа в рамках выбранного задания. Знания, умения и владение предметом студентом оценивается по дифференцированной системе оценки наличия основных единиц компетенции.
